

Николай Федорович Алефиренко

Белгородский государственный университет

Когнитивная лексикология русского языка: pro et contra¹

Ключевые слова: слово, познание, смысл, концепт, значения

Key words: word, cognition, notion, concept, meaning

Summary

The ways of approximation of cognitive-cultural and communication-pragmatic paradigms are observed. Cognitivism in lexicology is a research strategy serving to study vocabulary as means and product of system information processing. Linguistic-cognitive analysis of vocabulary aims to solve problems directly connected with principles of mental vocabulary structure through revelation of implicit links of base concepts which define axiological-notional space of the corresponding language.

Бесконфликтная на первый взгляд формулировка проблемы, на самом деле, может оказаться источником возможного недоумения. Разве традиционные учения не рассматривают лексикологию в целом и лексическую семантику в частности, прямо или косвенно отталкиваясь от теории познания и создавая основной иллюстративный материал для понимания механизмов взаимодействия языка и мышления?! – Вопрос, конечно, можно было бы считать риторическим, поскольку всё европейское языкознание XIX века «балансиrowало» на грани лингвистики и психологии, пытаясь выяснить сущность языка в антропологической плоскости: язык – категориальное свойство человека, поэтому его сущность обуславливается сущностными свойствами человека, среди которых важнейшим является человеческая психика, мышление и сознание [Алефиренко, Корина 2011: 14]. Однако нельзя не учитывать того, что

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» № 633662011.

существуют языковеды, которые не приемлют саму идею когнитивной лингвистики. В таком ключе, например, своё *contra* выражает А.Т. Кривонос:

Сочетание «когнитивная лингвистика» остается лишь пустым звуком, не соотношенным ни с какой языковой реальностью, напоминающим нам давно прошедшие времена блаженной памяти «марксистского языкознания», в котором на все лады перепевали проблему «взаимоотношения языка и мышления», которая так и осталась марксистской утопией, хотя и более осязаемой и не лишенной здравого смысла, чем сегодняшняя «когнитивная лингвистика» [Кривонос 2010: 133].

С другой стороны, решение проблемы взаимоотношения языка и мышления с времён античной лингвофилософии и основополагающих трудов В. фон Гумбольдта было и остаётся основной задачей теоретического языкознания.

Сторонники когнитивной лингвистики подчеркивают, что главная отличительная черта данной науки заключается не в постулировании в рамках науки о слове нового предмета исследования и даже не во введении в исследовательский обиход нового инструментария и/или процедур, а в чисто методологическом изменении *познавательных установок и исследовательских эвристик*. В когнитивной лексикологии «новой реальностью» становится не создание нового учения о слове, а новая интерпретация традиционно рассматриваемых лексико-семантических явлений. Новые подходы к осмыслению слова и его значения тоже приводят к получению новых знаний и новому видению уже известных проблем. Слово, представшее в новом, лингвокогнитивном, ракурсе, или обнаруживает новые свойства, или приоткрывает новые грани тех своих свойств, которые издавна обсуждаются учёными. В любом случае наука о слове получает для своего дальнейшего развития новые знания. В этом, по сути, и состоит поступательное движение научной мысли, решение новых задач на продуктивных идеях ранее сформированных представлений. Что это – научный поиск новых истин или обычная интерпретация известных? Ставя такого рода вопросы, нередко благоговением произносят первую часть (поиск новых истин) и с разочарованием говорят об интерпретациях. На самом же деле в стремлении в новом ракурсе осмыслить, казалось бы, общепринятые явления лексикологии нередко требуют нестандартных эвристических установок. Попытка применения идей когнитивного науки к лексикологии порождает такие проблемы, разрешение которых не только невозможно без использования новых подходов, идей и точек зрения, но и без попыток инновационных определений самого объекта исследования – языка, его природы и функций. Возникает, например, необходимость обсудить вопрос о своеобразии когнитивной функции языка. С одной стороны, языку не свойственно отражение действительности (это прерогатива сознания), а с другой, языковая семантика является средством накопления, интерпретации и хранения знаний.

Итак, когнитивизм в лексикологии – такая исследовательская стратегия, которая обращена к изучению лексики как средства и продукта системной переработки информации. Эти состояния физически проявлены, наблюдаемы

и интерпретируются как получение, переработка, хранение, а затем и мобилизация информации для рационального решения разумно формулируемых задач. Основой классической лексикологии является учение о формировании словарного состава языка, исторических изменений в нем, систематизации лексики с точки зрения её происхождения, расслоении по сферам употребления, по степени активности; а её главной задачей изучение синтагматико-парадигматической организации словарного состава языка. В центре же когнитивной лексикологии находятся вопросы взаимоотношения смысла, концепта и значения. Однако и здесь слышится сомнение: соотношение *слова* и *понятия* никогда не упускались из виду лексикологов; слово рассматривалось в единстве формы и содержания (смысла и значения), а концепт – латинское название понятия. И всё же, такого рода возражения следует считать поспешными, поскольку смысл и значение получили разграничительное толкование только в конце XX века (ранее они использовались практически как синонимы), а концепт, в отличие от понятия, получает статус единицы ментального лексикона человека [Алефиренко 2005]. В связи с этим когнитивная лексикология предстаёт как дисциплина, предметом которой являются процессы взаимодействия словарного состава языка и ментального лексикона человека, под которым понимается система когнитивных структур. Однако уже в этом общем определении возникают непростые вопросы. Если понятие словарного состава языка находится в светлой зоне лингвистического сознания, то полного понимания сущности ментального лексикона и форматов существования когнитивных структур, служащих мыслительным субстратом нашего словаря, пока не достигнуто. Называют разное количество таких когнитивных единиц; имеются значительные различия в интерпретации их сущности, что, разумеется, усложняет задачу построения когнитивной лексикологии. Пока в качестве элементов ментального лексикона используются различные единицы: концепт, фрейм, гештальт, сценарии, мыслительные картинки, схемы и др. В лингвистике в качестве родовой единицы доминирует *концепт*; в когнитивной психологии – *гештальт*, а в философии познания, наряду с гештальтом, такой единицей выступает *фрейм*. К тому же каждая из названных когнитивных единиц имеет множество различных определений. Ю.Е. Прохоровым [Прохоров 2009] собраны практически все имеющиеся определения концепта. Такими же собраниями могли бы стать существующие определения фрейма и гештальта во всём их вариативном многообразии. Так, Лакофф выделял такие разновидности гештальтов, как языковые, мыслительные, перцептуальные, моторные или даже смешанные – сенсорно-моторные [Лакофф 1981: 360]. Когнитивную лексикологию, конечно же, интересуют когнитивные структуры, объективированные словесными знаками, что и делает язык активным средством познания.

Облик когнитивной лексикологии XXI века определяется сближением двух её главных, некогда противопоставляемых парадигм – когнитивно-культурологической и коммуникативно-прагматической. Её становление

связано с формированием единой системы допущений. Как эта система допущений может быть применима к обоснованию когнитивной лексикологии? – Прежде всего, данная система определяется принципом антропоцентризма, согласно которому центром лексико-семантической Вселенной является человек, с его менталитетом, системой восприятия и интерпретации всего окружающего, мотивирования как практической, так и «духовной» деятельности. Этому принципу обязаны своим возникновением целый ряд тенденций.

Пожалуй, важнейшей из них можно назвать **экспансионизм**, под которым понимается распространение лексикологии за её первоначальные пределы, «вторжение» в научное пространство когнитологии, психолингвистики, культурологии и дискуртологии.

1. Наиболее явной является связь лексикологии с когнитивной наукой. Когнитивная лексикология – это такое ответвление общей лексикологии, в центре внимания которого находится словарный состав языка как универсальное когнитивное средство, когнитивный инструмент – система словесных знаков, выполняющая роль репрезентации (кодирования) и интерпретации знаний. Эта система, в отличие от других семиотических средств, для человека одновременно является и внешним, и внутренним объектом, поскольку формируется на базе его ментального лексикона и усваивается каждым из нас в онтогенезе [ср.: Кубрякова 2004]. Поэтому, являясь единицей лексического уровня языковой структуры, слово служит тем ключиком, которым открывается таинственный мир психики человека, созданная им картина мира в целом. Лингвокогнитивный анализ словарного состава языка позволяет приблизиться к проблемам, непосредственно связанным с принципами организации ментального лексикона человека, под которым понимается лексический компонент речевой организации человека, формирующийся через переработку речевого опыта и предназначенный для оптимального использования в речемыслительной деятельности человека. Поскольку последняя трактуется как процесс формирования мысли в речи, логично сделать вывод, что лексикон должен включать единицы всех этапов этого процесса, то есть, иначе говоря, его можно интерпретировать как систему кодов и кодовых переходов, обеспечивающую реализацию процессов смыслоформирования и смыслоформулирования.

При этом в рамках названной научной области первоочередными задачами когнитивной лексикологии неизбежно оказываются вопросы, связанные с установлением специфики единиц ментального лексикона и выявлением основных принципов их упорядоченности:

- семантическая структура ментального лексикона;
- методы и модели её описания;
- отношения между лексическими значениями и когнитивными структурами (понятиями, концептами, фреймами и тп.);
- способы и средства инкорпорирования новых единиц в ментальный лексикон человека и др.

В более отдалённой перспективе когнитивная лексикология как научная дисциплина должна участвовать и в решении скрытых от эмпирического опыта явлений, связанных с нейролингвистическими механизмами функционирования ментального лексикона.

Конечная цель изучения языка – овладение всем скрытыми в нём глубинами народного духа. Однако богатство языка, отмечал Д.С. Лихачев, определяется не только богатством «словарного запаса» и грамматическими возможностями, но и богатством концептуального мира, концептуальной сферы, носителями которой является язык человека и его нации. В связи с этим результаты исследований в области когнитивной лексикологии открывают путь к осмыслению природы и сущности когниции в целом. Прежде всего, когнитивная лексикология сосредотачивает внимание на лексико-семантических механизмах категоризации и концептуализации действительности, что напрямую связано с проблемой моделирования языковой картины мира [Сусов, Сусов 2006: 14].

2. Если в когнитивную лексикологию включать все проблемы взаимоотношения языка и познания (как это фактически часто и делается), то она неизбежно, полагают некоторые авторы, должна охватить значительную часть семантики и психолингвистики. Если часть, то какую? Есть мнение (его придерживается в частности В. Белянин), что психолингвистика и семантика шире когнитивная лингвистика в целом, поскольку изучает, в отличие от когнитивной лингвистики, не только явления, лежащие в сфере сознания, но и бессознательные явления. При таком понимании когнитивная лингвистика поставляет данные для психолингвистики, которая их верифицирует. В качестве примера В. Белянин рассматривает слова *кошка* и *собака*. Согласно его пониманию, только психолингвистический эксперимент может показать степень близости этих слов в разных языках и в разных контекстах. Когнитивная же лексикология призвана творчески использовать данные эксперимента для построения целостной когнитивно-семантической теории.

Проблема экспансионизма лингвокогнитивистики в целом рассматривается в русле соотношения собственно лингвистических и паралингвистических сфер исследования путем различения объекта и интерпретирующей модели (В.А. Пищальникова). В таком случае объектом когнитивной лексикологии оказываются процессы лексико-семантической репрезентации структуры знаний (когнитивных структур), а интерпретирующей моделью – концепт как когнитивный субстрат её семантической структуры. Поскольку объектом психолингвистики является речевая деятельность, а интерпретирующей моделью – образ сознания, то психолингвистические данные окажутся полезными для выявления механизма взаимопревращения языкового значения и смысла, закономерностей смысловой реализации значения в различных дискурсивных контекстах. Психолингвистика, стремящаяся интерпретировать язык как динамическую, действующую, «работающую» систему, обеспечивающую речевую деятельность (речевое поведение) человека, снабжает когнитивную лексикологию сведениями о механизмах порождения и понимания

(восприятия) смысловой структуры слова в типологически разных речевых высказываниях. При этом психолингвистика не подменяет когнитивную лексикологию и не растворяется в ней, так как она сосредотачивается главным образом на психологической реальности слов для говорящего человека, на их использовании в актах порождения и в актах понимания высказываний, а также в усвоении словарного состава языка. В отличие от когнитивной лексикологии, психолингвистику интересуют модели усвоения родного языка и иностранных языков, проблемы формирования ментального лексикона, стратегии речепорождения.

Когнитивная же лексикология ставит перед собой задачу выявить лексический потенциал языка в глобальных процессах категоризации различных перцептуально или концептуально получаемых знаний. Для когнитивной лексикологии данные психолингвистики особенно важными оказываются тогда, когда собственно лексико-семантические методы не позволяют увидеть закономерности динамики словарного состава, механизмы синхронического развития и диахронической эволюции семантического пространства языка. Однако, несмотря на отличия, можно назвать и точки пересечения когнитивной лексикологии и психолингвистики. Ими являются: 1) исследование процессов словообразования и понимания слов естественного языка; 2) исследование принципов лексической категоризации; 3) исследования материального базиса человеческого сознания и словарного состава языка (А.А. Залевская); 4) исследование лингвокогнитивных процессов метафоризации и метонимизации лексики.

Для осуществления такого рода исследований когнитивной лексикологии недостаточно методов традиционного познания словарного состава. Полезным в таких случаях оказывается использование различных психолингвистических методов, основанных на экспериментах, проводимых с носителями языка. Уже сейчас широко используются ассоциативные психолингвистические эксперименты – свободные и направленные. Свободный ассоциативный эксперимент выявляет всевозможные виды связей между словами: среди парадигматических – синонимические, антонимические, тематические и др.; среди синтагматических – валентностные, смысловые и формально-релятивные. Данные такого рода служат когнитивной лексикологии материалом для выявления полицентрических полей во фреймовой организации концептосферы языка. Направленные ассоциативные эксперименты, выявляя определенные характеристики слова, помогают составить объективные представления о том или ином фрагменте концептосферы. Это достигается тем, что испытуемые отвечают на слово-стимул не первым пришедшим им в голову словом, а словом из заранее подготовленного списка, или словом той же части речи, что и слово-стимул, или сочетающимся словом, или синонимическим и тд. Такие эксперименты, базирующиеся на опросах информантов, позволяют судить именно о лингвокогнитивных свойствах слова. Выявляя его связи с другими словами, исследователь получает возможность масштабно

размышлять о смысловых связях концептов, формирующих концептосферу языка. Определяя силу этих связей, можно с большей долей объективности моделировать полевую организацию концептосферы, её ядерно-периферийное строение. Структурирование лексической системы проецирует системное представление концептов в языковом сознании. Измерение семантического объёма слов открывает возможность для исследования импликационных связей того или иного концепта, определение его ценностно-смыслового (культурно маркированного) поля.

Результаты, получаемые при проведении психолингвистических экспериментов, характеризуют в первую очередь прагматический аспект значения слова, однако в этих результатах отражаются также и такие аспекты семантики слова, как денотативный, сигнификативный, синтагматический, парадигматический и эпидигматический. В результатах психолингвистических экспериментов фиксируется сложный, пересекающийся во всех направлениях комплекс когнитивно-дискурсивных связей лексических единиц. Таким образом, использование в когнитивной лексикологии психолингвистических методов делает и междисциплинарные, и собственно семасиологические связи учения о слове более предметными и доказательными. Экспериментальные данные «дают пищу» для осмысления когнитивно-прагматических свойств лексического значения слова, его связей с менталитетом народа и его духовной культурой. С другой стороны, данные психолингвистических экспериментов позволяют выделять элементы семантической структуры слова не интуитивно, а путём экспериментально подтверждённых ранее сформированных предположений, поскольку в результатах таких экспериментов отражаются также и когнитивные аспекты семантики слова: денотативный, сигнификативный и коннотативно-прагматический. Синтагматика и парадигматика слова в когнитивной лексикологии также отражает в некоторой степени смысловые отношения вербализуемого концепта, его смысловое поле в вертикальной (ассоциативной) и линейной (горизонтальной) проекции. Можно утверждать, что синтагматическая и парадигматическая семантика слова в сочетании с его прагматикой – это те три векторы, которыми задаётся смысловой объём концепта и отражается культурное пространство категоризованного мира в сознании человека.

3. Антропоцентрическая связь когнитивной лексикологии с культурологией исходит из природы последней: «лингвокультурология ориентирована на человеческий, а точнее – на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке» [Телия 1996]. В.Н. Телия практически отождествляет «человеческое» и «культурное», что для когнитивной лексикологии весьма существенно. Будем рассуждать так. Вселенная существует в двух ипостасях: естественной и антропоморфной. Первая из них монологична, поскольку она принципиально неспособна к диалогу, к ней неприменимо понятие «смысл». Смысл возникает только в человеческом универсуме: он диалогичен по своей природе, что, собственно, и позволяет говорить о наличии в нём культуры,

средством существования которой служит система символов, важнейшими из которых являются словесные знаки.

Лексическая подсистема языка – зеркало культуры, в котором

отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира [Тер-Минасова 2000].

Поэтому концептуальное осмысление культуры может произойти только посредством изучения словарного состава языка. Лексика – составная часть культуры и ее орудие, это действительность нашего духа, лик культуры; он выражает в обнаженном виде специфические черты национальной ментальности. Язык и, прежде всего, его словарный состав, по замечанию К. Леви-Стросса, – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов [Леви-Стросс 1983: 178]. И всё же, несмотря на своеобразие разных лингвокультур, существуют различные формы межкультурной коммуникации.

В рамках когнитивной лексикологии можно говорить и о более уникальных проявлениях взаимосвязи слова и культуры. Свообразие русской лексики обуславливается тем, что русский язык в целом по своей природе эллинистический. По целому ряду исторических условий, живые силы эллинской культуры² устремились в лоно русской речи, сообщив ей, по образному выражению О. Мандельштама, «самобытную тайну эллинистического мировоззрения, тайну свободного воплощения» [Мандельштам 1987: 19]. Соединение языка древнеболгарского с обиходным древнерусским обеспечило, по мнению Д.С. Лихачёва, русскому литературному языку богатую синонимику и богатые оттенки значений. В результате русское слово стало именно звучащей и говорящей плотью. Ср. в статье А. Белого «Символизм»:

Слово сознания должно иметь плоть. Плоть должна иметь дар речи. Слово должно стать плотью. Слово, ставшее плотью, – и символ творчества, и подлинная природа вещей [Белый 1994: 335].

Слово в эллинистическом понимании есть плоть деятельная, разрешающаяся в событие. Поэтому русский язык историчен уже сам по себе, так как во всей своей совокупности он есть волнующееся море событий, непрерывное воплощение и действие разумной и дышащей плоти. Русский номинализм, то есть представление о реальности слова, как такового, животворит дух нашего языка и связывает его с эллинской филологической культурой не

² Эллинистическая культура – не только культура Греции под игом Македонии и Рима; это культура, выплеснутая благодаря завоеваниям Александра Македонского во многие регионы мира: далеко на юг в Африке и еще дальше на восток в Азии. На северные по отношению к эллинам земли Восточной Славии эллинистическая культура пришла вместе с крещением русичей и внедрением в их языковое сознание христианского восприятия и понимания мира.

этимологически и не литературно, а через принцип внутренней свободы, одинаково присущей им обоим.

Язык впитывает в себя все богатство культуры, в то же время как любая национальная культура в немалой степени связана с характером и спецификой конкретного языка. Язык, по замечанию акад. Д.С. Лихачева, благодаря слову «выступает неким концентратом культуры нации, воплощенной в различных группах данного культурно-языкового сообщества» [Лихачев 1996: 28]. Вместе с тем в словах того или иного языка представлен целый мир, способный лексически и семантически охватить всю многогранную культуру. Язык – естественная среда обитания культуры. Культура это – не только живопись и литература. Культура – это религия, эссенция сущности самосознания каждого народа. Этим суждениям можно найти и более лаконичную формулу: через лексическую семантику воплощается отражённая в сознании действительность, а культура – её важнейшая составляющая.

4. Сопряжение когнитивной лексикологии с теорией дискурса обусловлено необходимостью исследования одного из основных феноменов слова: взаимодействием лексического значения и смысла [Алефиренко 2009: 104]. На первый взгляд слово непосредственно с дискурсом не связано, поскольку единицей дискурса являются коммуникативные структуры. Одни авторы таковой называют высказывание, другие – текст. Многие исследователи основной структурной единицей речевого общения признают простой обмен репликами (И.П. Сусов, М.Л. Макаров). Однако смысловые вариации языкового значения обуславливаются именно диалогической речью, а сам дискурс – инструмент манипуляции словом.

Переоценить роль слова в процессе познания невозможно, поскольку благодаря слову мы не только выражаем, но и получаем необходимые знания о мире. Однако для того, чтобы слово могло выполнять функцию своеобразного «сигнала сигналов» (см. известные работы акад. И.П. Павлова), чтобы с его помощью можно было адекватно осмыслять явления окружающего мира, оно должно быть определённым образом устроено. Познать его устройство и правила его использования в дискурсивной практике – главная задача когнитивной лексикологии.

Междисциплинарные связи обуславливаются изначальным «родством» глобальных для лексикологии процессов номинации и познания. Собственно номинация, на первый взгляд, всегда была объектом лексикологии. Однако при более пристальном рассмотрении приходится констатировать, что в учебниках и учебных пособиях о ней, скорее, упоминали в связи с перечислением функций языка. Наряду с коммуникативным предназначением языка упоминается, как правило, и его номинативная функция. В академической науке номинации отводится вполне достойное внимание, однако такие разыскания так и остаются жить обособленной жизнью, не только не пересекаясь с учебной лексикологией, но и в прикладной науке о слове оставаясь вне системного взаимодействия. И это притом, что уже давно намечены векторы

разграничения и взаимосвязи базовых категорий: семантики, ономазиологии и семасиологии.

Утверждение, что семантика – это наука о значении вообще, не совсем корректно. Во всяком случае, требует дополнительных пояснений. Одного замечания о том, что это «широкое понятие, охватывающее много более узких, в частности, семасиологию и ономазиологию», недостаточно. Это справедливо, пожалуй, только по отношению к семантике как науке. Но семантика – это ещё и свойство знаковых единиц языка и речи. И в этом аспекте семантика слова не сводима только к значению. Она шире значения, поскольку включает в себя и смысловое содержание языкового знака, которое может быть (а) доречевым, (б) речевым и (в) дискурсивным. В таком триединстве можно говорить о когнитивной семантике.

Сам термин *когнитивная семантика* можно воспринимать в двух ракурсах. Прежде всего, он представляет своеобразие российской лингвокогнитивистики, отличающее её от американской. Западноевропейская когнитивная лингвистика с лёгкой руки Р. Лангакера обычно называется когнитивной грамматикой, что, кстати, важно для понимания её статуса по отношению к учению о слове. Российская когнитивная лингвистика именуется ещё когнитивной семантикой. Это объясняется расширительным пониманием термина *грамматика* в англоязычной лингвистике, тогда как в России нередко используется термин «когнитивная семантика», указывающий на один из источников лингвокогнитивистики. Ономазиология в ней представлена как «отрасль семантики, изучающая наименования, использование языковых средств для обозначения внеязыковых объектов». Называется и вектор лексикологического исследования: от обозначаемого предмета к средствам его обозначения, шире – от содержания к форме. В отличие от ономазиологии, вектор семасиологического поиска направлен от средства выражения к выражаемому значению. Обычно подчёркивается вторичность ономазиологии, которая зародилась в недрах семасиологии. При этом понятия семасиология и семантика нередко отождествляются. Что касается вторичности ономазиологии, то здесь возражений быть не может. Действительно, только в 1895 году М.М. Покровский выразил убеждение в необходимости её создания. Наиболее явно его пророчество начало осуществляться в 10-е гг. XX в., когда в лингвистическом направлении «Слова и вещи» («Wörter und Sachen») ономазиологический подход предстал на материале романской диалектологии в своих реальных очертаниях. Позже, когда наука приняла, наконец, сам термин *ономазиология*, этот подход становится в изучении лексики весьма популярным. Собственно говоря, это был даже не новый подход, а взгляд на один и тот же объект с иной стороны, позволивший представить учение о содержательной стороне слова в завершённом виде.

Итак, становление и развитие когнитивной лексикологии осуществляется на основе стратегии междисциплинарного подхода к осмыслению природы и сущности слова.

Литература

- Tabakowska E., 2000, *Językoznawstwo kognitywne – nowe czy dawne horyzonty badań nad językiem?* [в:] G. Szpila (ред.), *Język a komunikacja 1. Język trzeciego tysiąclecia*, Kraków: Tertium, с. 56–68.
- Алефиренко Н.Ф., 2005, *Спорные проблемы семантики: Монография*, Москва: Гнозис.
- Алефиренко Н.Ф., 2009, *«Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии*, Москва: Флинта-Наука.
- Алефиренко Н.Ф., Корина Н.Б., 2011, *Проблемы когнитивной лингвистики*, Нитра (Словакия): Издательство Университета Кирилла и Мефодия.
- Белый А., 1994, Символизм как миропонимание [в:] *Луг зеленый. Книга статей*, Москва: Республика, с. 334–338.
- Киклевич А., Камалова А. (ред.), 2010, *Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ*, Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej UWM w Olsztynie.
- Кравченко А.В., 2008, *Когнитивный горизонт языкознания*, Иркутск: Издательство Байкальского государственного университета экономики и права.
- Кривоносов А.Т., 2010, Спорное в когнитивной лингвистике [в:] *Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ*, Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej UWM w Olsztynie, с. 131–162.
- Кронгауз М.А., 2005, *Семантика*, Москва: Академия.
- Кубрякова Е.С., 2004, *Язык и знание*, Москва: Языки славянской культуры.
- Лакофф Дж., 1981, О порождающей семантике [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. X, Москва, с. 302–349.
- Леви-Стросс К., 1983, Эффективность символов [в:] *Структурная антропология*, Москва: Наука, с. 178–192.
- Лихачев Д.С., 1996, *Очерки по философии художественного творчества*, Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц».
- Лурия А.Р., 1979, *Язык и сознание*, Москва: Издательство Московского университета.
- Мандельштам О.Э., 1987, *Слово и культура*, Москва: Советский писатель.
- Прохоров Ю.Е., 2009, *В поисках концепта*, Москва: Флинта-Наука.
- Степанов Ю.С., 2004, *Константы: Словарь русской культуры*, Москва: Академический проект.
- Сусов А.А., Сусов И.П., 2006, Размышления о концептах, *Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна*, № 726, Серія: Романо-германська філологія, вип. 49, Харків, с. 14–20.
- Телия В.Н., 1996, *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты*, Москва: Языки русской культуры.
- Тер-Минасова С.Г., 2000, *Языки и межкультурная коммуникация: Учебное пособие*, Москва: Слово.